

А.Ю. Борисов*

**АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ:
ОТ ВРАЖДЫ К ВОЕННОМУ СОЮЗУ —
ФОРМУЛА УСПЕХА**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В последние годы вокруг событий, связанных с началом Второй мировой войны, развернулась новая война — война памяти. Политики и исследователи, являющиеся идейными наследниками коллаборационистов, предпринимают активные попытки переписать историю тех трагичных дней, принизить роль Советского Союза в победе над нацизмом, воскресить уже давно развенчанные мифы о якобы равной ответственности СССР и нацистской Германии в начале войны, об «оккупации», а не освобождении Красной армией стран Восточной Европы. Для того чтобы противостоять этой ревизионистской кампании, представляется целесообразным еще раз обратиться к перипетиям международных отношений межвоенного периода, в частности рассмотреть вопросы, почему провалились попытки формирования единого фронта антифашистских сил в 1930-е годы и почему складывание антигитлеровской коалиции стало все-таки возможным.

В центре проблематики статьи — сложное переплетение соображений соперничества и сотрудничества, взаимного недоверия и желания найти союзника в условиях нараставшего международного кризиса, которое обуславливало динамику отношений в треугольнике СССР–США–Великобритания на рубеже 1930–1940-х годов. В статье подробно разобраны причины, по которым все усилия по созданию системы коллективной безопасности в довоенный период оказались безрезультатными перед лицом политики «умиротворения», обернувшейся завоеванием А. Гитлером почти всей Европы. Только вступление в войну СССР изменило трагический ход событий и внесло решающий вклад в победу народов над агрессорами. Автор подчеркивает в этой

* *Борисов Александр Юрьевич* — доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник (e-mail: albor@rambler.ru).

связи, что особую роль сыграли реализм, здравый смысл и готовность к взаимодействию, проявленные в тот момент И.В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. И хотя в отношениях между державами антигитлеровской коалиции оставалось много нерешенных проблем, не раз приводивших к острым разногласиям, их лидерам удалось в самый решающий момент подняться над застарелыми обидами, идеологическими расхождениями и конъюнктурными политическими интересами, осознать общность своих стратегических целей в борьбе с нацизмом. В этом, по мнению автора, скрыты формула успеха антигитлеровской коалиции и одновременно важный исторический урок для современных политиков. Само складывание этой коалиции стало крупнейшим водоразделом в истории XX столетия, определившим ход дальнейшего развития человечества и заложившим основы послевоенного миропорядка на следующие полвека.

Ключевые слова: антигитлеровская коалиция, коллективная безопасность, второй фронт, ленд-лиз, Вторая мировая война, политика «умиротворения», послевоенный мировой порядок.

Война памяти

В годы Великой Отечественной войны межсоюзнические конференции руководителей главных держав антигитлеровской коалиции — И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля — нередко с уважением называли в близком кругу «встречами умов». Это были действительно великие государственные умы того времени, сумевшие в ответственный момент подняться над острейшими противоречиями своей эпохи ради достижения исторической цели — разгрома нацизма и создания основ прочного послевоенного мира.

Пройдет совсем немного времени после капитуляции гитлеровской Германии, и находившийся в ореоле славы победителя британский премьер-министр Уинстон Черчилль неожиданно для себя проиграет парламентские выборы. Болезненно переживая поражение как незаслуженную обиду со стороны английских избирателей, он мрачно заметит: «После войны гигантов началась война пигмеев».

Сказанное, разумеется, относилось к его политическим противникам из лагеря лейбористов, но, как оказалось, спустя три четверти столетия эти слова вполне точно характеризуют тех недалеких политиков, кто сегодня в угоду политической конъюнктуре и собственным эгоистическим амбициям пытается переписать историю войны и победы, оплаченной миллионами человеческих жизней.

Прискорбно, что славная юбилейная дата, которую мы, современники, еще имели возможность отметить вместе с непосредственными

участниками и свидетелями тех героических событий, оказалась омрачена невиданной по своему масштабу попыткой ревизии исторического прошлого, принявшей характер настоящей «войны памяти».

Впрочем, можно было ожидать, что после распада СССР и окончания «холодной войны» политические силы, охваченные эйфорией триумфализма и враждебно встретившие появление новой России, предпримут попытку ревизионистского переосмысления в свою пользу истории Великой Отечественной и Второй мировой войны, с тем чтобы прежде всего принизить решающую роль Советского Союза в победе над нацизмом.

Именно в таком духе, несмотря на всю историческую абсурдность подобных попыток, проходили в прошлом году торжества по случаю юбилея высадки западных союзников в Нормандии в июне 1944 г. (всего лишь за 11 месяцев до капитуляции Третьего рейха, когда исход войны уже был предreshen неудержимым наступлением Советской армии), вошедшей в историю как открытие второго фронта.

Поистине, цинизму организаторов этих торжеств и их политизированному отношению к истории не было предела, когда зрители, к своему удивлению, увидели среди наследников победителей в войне канцлера Германии А. Меркель, которая в этой новой роли чувствовала себя явно неуютно, и не увидели президента России.

Власти Польши, следуя «нормандскому примеру» и ссылаясь на особенности современной европейской политики и место в ней России, предприняли вызывающий шаг, отказавшись пригласить российского президента к участию в памятных мероприятиях по случаю 80-летия начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 г.¹ Не было российского лидера среди приглашенных и тогда, когда польские власти отмечали годовщину освобождения лагеря смерти «Освенцим» («Аушвиц-Биркенау»), хотя, как хорошо известно, его освободила Красная армия. Журнал «Der Spiegel», написавший, что «Аушвиц» якобы был освобожден американскими солдатами, вынужден был извиниться перед читателями за свое историческое невежество (случайное ли?), как, впрочем, и ряд американских посольств в Европе².

Ревизия истории Второй мировой войны, ее происхождения, причин возникновения, хода и итогов стала (видимо, в расчете на массовую амнезию общественного сознания) частью государственной политики большинства стран Восточной Европы, прежде всего

¹ Известия. 01.09.2019.

² Der Spiegel. 28.01.2020.

Польши, а также ориентирующихся на них Украины и «троицы» балтийских республик. Как известно, одни восточноевропейские государства были союзниками гитлеровской Германии в ее «походе на Восток», другие, подвергнувшись оккупации и утратив суверенитет, верой и правдой служили нацистам, а после распада СССР и своей очередной политической мутации сделали оправдание идеологии коллаборационизма стержнем своей исторической политики. В России «новый взгляд на историю» современных наследников коллаборационистов справедливо окрестили «мстью побежденных»³.

Вообще то, что начиналось как провокационные упражнения в переписывании истории некоторыми скандальными западными авторами [Applebaum, 2012; Snyder, 2012; Рис, 2012], заявлявшими о якобы имевшей место «оккупации» Европы, а не ее освобождении Советским Союзом от нацистского порабощения, сегодня стало, по сути, официальной доктриной большинства стран Евросоюза и некоторых бывших республик СССР. По сути, после его распада произошел самый настоящий концептуальный раскол в прочтении истории Великой Отечественной и Второй мировой войны между Россией и коллективным Западом [см., например: Moorhouse, 2019].

Своим ревизионистским рвением наследникам коллаборационистов удалось заразить Европарламент, который 19 сентября 2019 г. в качестве своеобразного «вклада» к юбилею Победы над нацизмом принял (в основном по инициативе стран, воевавших на стороне А. Гитлера) специальную резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы»⁴. Она снова поднимает на щит старый миф о «равной ответственности» СССР и нацистской Германии за начало Второй мировой войны, воплощением чего рисуются советско-германский Договор о ненападении от 23 августа 1939 г., больше известный как «пакт Молотова–Риббентропа», и секретные приложения к нему.

В свете этой недобросовестной пропагандистской кампании особый исследовательский интерес вызывает крупнейший водораздел истории XX столетия — поворот от довоенной вражды великих держав, открывшей дорогу завоеванию А. Гитлером почти всей

³ Шишкин И. Мсть побежденных. Что стоит за осквернением памятников в ЕС // ИА REGNUM. 15.04.2020. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/2917039.html> (дата обращения: 20.06.2020).

⁴ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 11.06.2020).

Европы, к созданию объединенного фронта всех противников нацизма, который окончательно был закреплен на межсоюзнической конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.).

Весьма вероятно, что в обозначившихся напряженных геополитических реалиях XXI в. правда о «той войне» может и дальше становиться жертвой политических манипуляций, включая историю создания и деятельности антигитлеровской коалиции⁵. Тема сотрудничества и взаимодействия государств, объединения ими своих усилий в противодействии современным вызовам, рискам и угрозам едва ли может восприниматься одобрительно теми, кто подчинил свою политику русофобии, оправданию нацизма и возвращению практики «холодной войны».

В данной статье предпринимается попытка выявить и проанализировать причины и природу судьбоносных перемен в международных отношениях в ту трагическую эпоху, когда в условиях сверхнапряжения противоборствующих сил сложился военный союз государств антигитлеровской коалиции, чья совместная борьба с общим врагом определила ход дальнейшего общественного развития и заложила основы нового мирового порядка.

Упущенные возможности

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне коллектив российских историков подготовил труд, посвященный причинам неудачи довоенной политики коллективной безопасности и создания коалиции государств против держав-агрессоров, с красноречивым подзаголовком «формула провала» [Антигитлеровская коалиция — 1939, 2019]. Следуя этой аналогии, можно с полным основанием утверждать, что складывание антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании в начале Великой Отечественной войны и ее последующая успешная деятельность стали примером реализации «формулы успеха» в межгосударственных отношениях, не потерявшей своего значения и сегодня.

К чести отечественных историков, в их работах никогда не ставилась цель умалить вклад союзников в войне, принизить роль антигитлеровской коалиции в целом и уж тем более представить СССР чуть ли не единственным победителем при всей несоизме-

⁵ О связи истории Второй мировой войны с сегодняшней действительностью подробно идет речь в статье президента России: Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Официальный сайт Президента России. 19.06.2020. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 10.07.2020).

римости человеческих потерь, затраченных усилий и понесенного материального ущерба союзных государств, сражавшихся против блока агрессоров [см., например: Печатнов, 2006]. Тон задавала еще в годы войны сама кремлевская власть. Известно, как И.В. Сталин, например, публично высоко оценил, даже с известным пропагандистским пиететом, высадку союзников в Нормандии, великодушно умолчал о запоздалом характере этой операции⁶.

Важно как не идеализировать, так и не принижать значение антигитлеровской коалиции в качестве весьма сложного и противоречивого объединения государств с различным социальным устройством, ставшего важнейшим фактором победы над гитлеровской Германией и ее союзниками. Нет смысла искать ответ на гипотетический вопрос, вышел бы Советский Союз победителем из войны хотя бы при нейтралитете англосаксонских стран, ведя борьбу один на один с блоком государств «оси». Величайшая заслуга советской внешней политики и проявленного президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем реализма заключается в том, что этого не случилось: победил здравый смысл, великий инстинкт самосохранения свободолюбивых народов, преградивших дорогу агрессорам.

Гораздо более интересным и проблемным является другой вопрос: как могло случиться так, что все попытки объединения государств, которым объективно угрожал нацизм с его человеконенавистнической идеологией и претензией на мировое господство, не увенчались успехом тогда, когда это можно было сделать сравнительно легко и безболезненно, а главное — своевременно? Объединить усилия в конце концов удалось позднее, но уже в тяжелейших, экстремальных условиях после понесенных потерь и порабощения А. Гитлером почти всей континентальной Европы. Кто виноват в том, что за сотрудничество пришлось заплатить такую страшную цену, когда мир, по сути, уже оказался на грани вселенской катастрофы?

Объяснение этому может дать только анализ исключительно сложной и противоречивой политической ситуации в мире между двумя глобальными конфликтами, а точнее, между Версальской конференцией, подведшей черту под «Великой войной», и нападением нацистской Германии на Советский Союз, когда в тугой узел переплелись между собой самые различные факторы: идеологические, геополитические, экономические и другие, вызвавшие в конечном счете неуправляемый ход событий.

⁶Интервью И.В. Сталина газете «Правда» от 13 июня 1944 года // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 2 т. Т. 2. М., 1946. С. 37.

В результате Первой мировой войны, победы большевистской революции в России и распада ряда старых империй, а также обострения борьбы за мировое господство между молодым амбициозным претендентом — Соединенными Штатами и старым гегемоном — Великобританией, стремившейся сохранить свои позиции, прежде всего колониальные, в единой мировой системе произошел глубокий раскол. В водоворот этих драматичных событий все больше втягивалась Азия, где интересам европейских держав угрожал новый империалистический хищник — милитаристская Япония.

Слова французского маршала Ф. Фоша, сказанные при подписании Версальского договора в июне 1919 г., что это не мир, а всего лишь перемирие на 20 лет, быстро оказались пророческими в связи с ростом популярности в Европе ультрарадикальной идеологии фашизма и борьбы с «большевистской угрозой», но наполнились еще более зловещим смыслом с приходом к власти в Германии национал-социалистов с их реваншистской программой установления «нового европейского порядка».

Вопрос заключался в том, за счет кого будут разрешены быстро набиравшие силу мировые противоречия. Добровольных претендентов на роль «сакральной жертвы», как легко догадаться, не находилось, хотя новая война в доядерный век при всех жестокостях минувшей кровавой бойни не казалась политикам того времени чем-то абсолютно исключенным и неприемлемым.

При этом благодаря появлению Лиги Наций, объявлению войны вне закона («пакт Бриана–Келлога») и росту популярности идей пацифизма существовала и вполне реальная возможность добиться сохранения мира на коллективной основе. Так или иначе, вся деятельность международной дипломатии вращалась вокруг поиска путей разрешения основных противоречий, разумеется, за счет интересов партнеров и соблюдения собственных. В конечном счете национальный эгоизм по принципу «каждый за себя» перевесил разумные начала и привел человечество к трагической развязке.

Как считали тогда многие политически искушенные умы в Европе, воспитанные на уроках имперской политики XIX в., на роль тех, за счет кого будут разрешены мировые противоречия, наиболее подходили ослабленные после пережитых социальных потрясений и кровавых гражданских войн и приступившие к болезненной внутренней трансформации крупнейшие державы: Китай в Азии и созданное большевиками на обломках империи Романовых на антикапиталистических началах Советское государство, игравшее все более заметную роль в международных отношениях.

При этом, несмотря на всю демократическую риторику, вброшенную в послевоенную политику новым «мессией» — президентом США Вудро Вильсоном, никто из великих держав-победительниц не собирался принимать в расчет интересы малых стран. Даже таким не последним из них, как Польша, которая смогла при помощи Антанты возродить свою государственность, была уготована участь разменной монеты при разрешении мировых противоречий. Немцы, например, презрительно именовали «санационную» Польшу «сезонным государством» (Saisonstaat) [Хейстингс, 2015: 33].

Тон в европейской политике в межвоенный период задавала все еще сохранявшая имперское могущество Великобритания. Традиционно она стремилась создать после войны выгодный для себя новый баланс сил на континенте и не допустить появления сильного конкурента, на роль которого некоторое время претендовала Франция. В тот период Лондон еще всерьез не усматривал угрозы своему колониальному величию со стороны экономически бурно развивавшихся, но пока слабых в военном отношении Соединенных Штатов. Тем более что, склонив чашу весов в войне в последний момент в пользу Антанты и просчитавшись с мирным урегулированием на Версальской конференции при создании Лиги Наций, США ушли в самоизоляцию, отложив «до нового благоприятного момента» реализацию своих далеко идущих гегемонистских планов.

Между тем в Лондоне, торжествуя победу, добытую гораздо большей кровью в сравнении с опытом наполеоновских войн, не были готовы к появлению в европейской политике нового влиятельного игрока в лице Советской России, сочетавшей в себе вековые геополитические угрозы для «владычицы морей», особенно в Азии и на Ближнем Востоке, т.е. в зоне традиционных имперских интересов англичан, с новыми революционными, идеологическими вызовами, стимулировавшими антиколониальную борьбу народов за свое национальное освобождение. В результате переплетения этих — как старых, так и новых — вызовов и угроз формировалась та особая враждебность правящей элиты Великобритании к первому в мире социалистическому государству, которая в решающий момент европейской и мировой истории подтолкнула ее к принятию иррациональных и неадекватных решений, едва не стоивших стране потери национальной независимости.

На этот аспект межгосударственных отношений сегодня стоит обратить особенно пристальное внимание, потому что неудачный, если не сказать катастрофический, довоенный опыт англичан в современных условиях, вероятно, в силу общей англосаксонской

политической культуры явно повторяют их ближайшие кровные родственники — американцы, которые пытаются любой ценой сохранить свои доминирующие позиции в мире, даже если это чревато большими неприятностями для всех участников мировой политики и угрожает серьезной международной дестабилизацией [см. подробнее: Allison, 2020].

Все последующие события, даже еще до появления откровенно реваншистского государства в 1933 г. — униженной в Версале Германии во главе с Адольфом Гитлером, представляют собой цепь глубоко расчетливых и, как станет вскоре ясно, столь же глубоко ошибочных решений. Их общей целью было сплотить западную часть Европейского континента на идеологической, антибольшевистской основе, укрепить безопасность ее границ в духе пресловутого «Локарно» (1925) и в то же время не допустить создания системы коллективной безопасности на востоке («Восточный пакт», 1934), подталкивая потенциального агрессора в этом направлении.

Веймарская Германия, наследница постверсальского экономического и духовного упадка, на роль ударной силы Запада явно не годилась, хотя объективно и подготовила приход к власти нацистов, обеспечив им эффективную поддержку международного, прежде всего англо-американского, капитала и создав соответствующие условия для победы партии А. Гитлера на выборах, что усыпило европейскую общественность и породило миф о победе НСДАП «демократическим» путем. В Берлине искусно разыгрывали карту антикоммунизма, что в западных столицах высоко котировалось и рассматривалось как надежная гарантия стратегических планов Германии в Европе, направленных своим острием против СССР.

В большинстве европейских стран считали, что А. Гитлер, пришедший к власти в Германии, — это всего лишь фанатик, обуреваемый жадной погоней за большевизмом в Европе и ненавидящий его государственное воплощение в Советском Союзе [см., например: Smith, Hessen, 1985: 48, 52–54, 60–61].

Однако если последовательно анализировать внешнюю политику фюрера после его прихода к власти, то напрашивается вывод, что в первую очередь он руководствовался скорее геополитикой, нежели идеологией, и тщательно учитывал уроки проигранной Германией предыдущей мировой войны, прежде всего роковые последствия забвения кайзером и его камарильей завета канцлера Отто фон Бисмарка избегать войны на два фронта («кошмар коалиций»). Неслучайно нацисты, придя к власти, возвысили известного немецкого геополитика генерала К. Хаусхофера (друга и наставника Р. Гесса,

заместителя А. Гитлера в НСДАП) и взяли на вооружение выдвинутую им идею завоевания «жизненного пространства» (lebensraum) в Европе за счет соседних стран. Но в Лондоне и Париже слышали то, что хотели слышать, к вящему удовлетворению Берлина.

Вообще преступный прагматизм нацистов во внешней и внутренней политике во многом недооценен, свидетельством чего является вышедшая на передний план в последнее время и тесно встроена в военный дискурс тема антисемитизма и Холокоста, причины которых долгое время объяснялись и объясняются скорее расовыми, идеологическими, человеконенавистническими, физиологическими и другими иррациональными мотивами, чем, если так можно сказать, криминально-деловыми соображениями [см., например: Rees, 2013].

Между тем политика, которая воплотилась в конфискации еврейской собственности, имущества и капитала под предлогом их «неарийского происхождения», в действительности преследовала цель захвата активов, личного обогащения верхушки нацистов и пополнения военного бюджета рейха. Продолжением этой политики и одновременно попыткой замести преступные следы своей деятельности стали «окончательное решение» еврейского вопроса и газовые камеры Освенцима.

Свою роль в утаивании награбленных нацистами еврейских капиталов сыграла нейтральная Швейцария, превратившаяся к концу войны на фоне всеобщей разрухи из второразрядного в процветающее европейское государство. Как стало известно уже в наши дни в результате обнаружения в Аргентине секретных финансовых документов, в швейцарских банках, прежде всего Credit Suisse, до сих пор имеются счета 12 тысяч высокопоставленных нацистов, имена которых потребовал раскрыть известный Центр Симона Вейзенталя, отслеживающий нацистские преступления. «Мы полагаем, — заявили в Центре, — что на этих давно не использующихся счетах находятся деньги, награбленные у еврейских жертв»⁷.

Комментируя сказанное, английская служба ВВС признавала: «Нацистская Германия начала захват еврейской собственности после принятия расистских законов в 1935 г., и колоссальные средства были награблены во время Холокоста в 1940-е годы. Большая часть этого богатства [указывается сумма порядка 30 млрд долл. — А.Б.] была размещена на секретных счетах в швейцарских банках»⁸. Интересно,

⁷Nazi name lists in Argentina reveal loot in Swiss bank // BBC News. 05.03.2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-51751272> (accessed: 20.06.2020).

⁸Ibidem. Об этом также см. подробнее: Чижик В. О тайнах банковских тайн // Заметки по еврейской истории. 2018. № 1 (205). Доступ: <http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer1-chizhik/> (дата обращения: 20.06.2020).

что в конце войны Москва и Вашингтон, судя по материалам советских архивов, как и полагается союзникам, в совместном заявлении осудили власти Швейцарии за соучастие в сокрытии награбленных нацистами еврейских капиталов и потребовали их возвращения наследникам погибших в газовых камерах, правда, без особого успеха⁹.

С высоты времени деятельность всех основных участников европейской и мировой политики рассматриваемого периода, может быть, за исключением выжидательно дистанцировавшихся Соединенных Штатов, выглядит как длинная череда ошибок и просчетов, с той лишь разницей, что последствия одних проявились раньше, а других — несколько позже. Общий баланс довоенной политики, однако, выглядит абсолютно неудовлетворительным для всех ее европейских участников, что во многом обуславливает остроту и непримиримость сегодняшней полемики на предвоенные и военные темы.

Разумеется, в первую очередь это касается тех, кто в результате авантюристических действий своих правителей оказался в лагере побежденных, или, как стало модно говорить уже в наши дни, «на неправильной стороне истории», со всеми вытекающими драматическими последствиями, национальными травмами и фобиями, болезненными переживаниями и подмоченной репутацией старых элит, а самое главное — желанием во что бы то ни стало оправдаться перед историей и потомками.

В противоречивой и во многом хаотичной политике межвоенного периода советская дипломатия, оказавшись в ситуации «исторического одиночества» и разуверившись в близости мировой революции, усиленно маневрировала, всячески стремясь избежать создания единого фронта империалистических держав и тем самым нейтрализовать враждебность внешнего мира. Речь шла о тактическом примирении и ослаблении объективных противоречий с отдельными странами или их группировками на основе, как считали в Кремле, возможного временного совпадения стратегических интересов вплоть до создания тех или иных ситуативных союзов и комбинаций.

На практике это проявилось уже в 1930-е годы, когда Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) возглавил опытный политический деятель со знанием заграничных реалий М.М. Литвинов и была выдвинута концепция коллективной безопасности. Она предусматривала объединение на внеклассовой, пацифистской основе и с опорой на Лигу Наций СССР с государствами — сторонниками

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 30. П. 47. Д. 16. Л. 333.

сохранения послевоенного статус-кво против лагеря «ревизионистских» держав, стремившихся к пересмотру версальского миропорядка и очередному переделу мира.

Вероятно, в той конкретной исторической ситуации это была наиболее рациональная и реалистичная концепция, но ее авторы в Москве, включая самого И.В. Сталина, который в то время формально держался в стороне от повседневной дипломатической практики, явно переоценивали степень миролюбия потенциальных партнеров, в том числе Соединенных Штатов, и их заинтересованность в сдерживании агрессоров как в Европе, так и на Дальнем Востоке. На самом деле, как показали все дальнейшие события, со стороны так называемых западных демократий речь шла не о стремлении сохранить мир, а о проектировании «полезной войны» для себя, а по сути — против СССР.

Большой энтузиаст идеи коллективной безопасности и англофил М.М. Литвинов, видимо, верил, вопреки имевшейся информации, что в Лондоне и Париже трезво оценят исходившую от нацистской Германии угрозу для их национальных интересов и пойдут на сотрудничество с СССР. Однако дальнейшие агрессивные шаги А. Гитлера, предпринятые им для ревизии политических, территориальных и военных статей Версальского договора, показали, что в Москве имели дело не с заблуждением, а с сознательной политической тактикой «умиротворения» агрессора, равнозначной его активной поддержке, тон в которой задавали Великобритания и лично ее премьер Н. Чемберлен [Read, Fisher, 1988: 30].

Одновременно менялась и вся система союзов в Европе. Малые и средние страны, долгое время поддерживавшие главных победителей в мировой войне и исторически (что вчера, что сегодня) действующие согласно принципу служить наиболее сильному, постепенно переориентировались на новый центр силы — быстро наращивавшую свою мощь Германию Адольфа Гитлера. Во внешней политике Кремля продолжалось движение по инерции, когда старая игра в коллективную безопасность себя исчерпала, а для перехода к новой тактике пока не хватало политической решимости, да и не созрели, видимо, еще необходимые условия. В политике так часто бывает, когда старое уже не работает, а для перехода к новому нет политической воли и окончательной уверенности.

«Момент истины» наступил в памятный 1938 год в связи с аншлюсом Австрии и выдачей рейху Судетской области Чехословакии в результате Мюнхенского сговора Н. Чемберлена, Э. Даладье, А. Гитлера и Б. Муссолини 29–30 сентября с последующей, менее

чем через полгода, окончательной ликвидацией независимого государства чехов и словаков. Зловещую роль сыграли переметнувшиеся в лагерь нацистов и имевшие свои корыстные интересы Венгрия и Польша. Последняя, пользуясь европейской смутой, при дипломатической поддержке Германии захватила, вопреки решению Версальской конференции, так называемое Заользье — Тешинскую область Чехословакии с большим промышленным потенциалом, за что получила от У. Черчилля нелестное сравнение с «гиеной Европы» [Taylor, 1983: 158].

От Мюнхенского сговора, положившего конец политике коллективной безопасности, пролегла прямая дорога к заключению советско-германского договора о ненападении. Этот тезис прекрасно иллюстрирует любопытный факт, не сохранившийся в советских архивах, но фигурирующий в одной из записей бесед тет-а-тет между И.В. Сталиным и Ф. Рузвельтом на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., сделанной американской стороной, когда предвоенные события стали уже историей. Коснувшись того времени, глава советского правительства лаконично заметил, согласно американской записи: «Если бы не было Мюнхена и германо-польского соглашения 1934 г., не было бы и Пакта о ненападении»¹⁰.

В тумане войны

Вероятно, в разгар этих драматических событий высшее кремлевское руководство почувствовало всю свою беспомощность и неспособность управлять ситуацией. Казалось, что инициатива прочно перешла к другой стороне, и возникала опасность, что СССР из влиятельного субъекта мировой политики превратится в объект чужих геополитических интриг и комбинаций. Над страной нависла реальная угроза международной изоляции. Необходимо было искать выход из создавшегося положения путем радикальной смены внешнеполитического курса и принятия чрезвычайных решений.

Коллективная безопасность, с которой долгое время в Москве связывали большие надежды на укрепление европейского мира, сплочение миролюбивых сил и изоляцию агрессоров, оборачивалась противостоянием страны объединенному фронту главных европейских держав, т.е. тем, чего в Москве всячески стремились избежать, начиная с подписания во время Генуэзской конференции Рапалльского договора с Германией (1922).

¹⁰ Tripartite dinner meeting, February 10, 1945, 9 p.m., Vorontsov Villa // Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1955. P. 925.

Отстранение М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел в начале мая 1939 г. стало сигналом о назревавшей смене курса. До последнего момента бывший нарком, как вскоре оказалось, не без оснований, хотя и несколько преждевременно продолжал верить в возможность договориться с западными демократиями на антигерманской основе. Но в политике, как учит мировой опыт, мало чувствовать историческую перспективу, важно еще уметь просчитать ее реализацию во времени. Если бы не старые добрые отношения со Сталиным еще дореволюционного периода, когда Макс Валлах отвечал за закупки оружия боевым отрядам партии, а позднее, уже у власти, — за вывоз золота за рубеж, кто знает, как сложилась бы судьба бывшего наркома в обстановке репрессий конца 1930-х годов.

Тем не менее на основе анализа и сопоставления многочисленных архивных документов, как советских, так и зарубежных, складывается впечатление, что весной и летом 1939 г. Кремль и с новым наркомом (и по совместительству главой советского правительства) В.М. Молотовым де-факто продолжал следовать прежнему курсу, лишь несколько ужесточив его, словно давая Лондону и Парижу еще один, последний шанс. Трудно сказать, было ли это отражением старой истины, что «надежда умирает последней», или все еще теплившейся веры в Кремле, что на Западе вдруг образумятся в последний момент и трезво оценят исходившую от А. Гитлера смертельную опасность. Да и для советских руководителей и лично для И.В. Сталина окончательный выбор курса был еще неясен и во многом зависел от политики англичан и французов.

Во всяком случае, что бы ни писали некоторые западные авторы, как бы ни обвиняли советское правительство в «двурушничестве» [см., например: Taylor, 1983: 215–237], оно со всей серьезностью отнеслось к начавшимся летом 1939 г. тройственным англо-франко-советским политическим переговорам с выходом на подписание военной конвенции. Все-таки союз с западными демократиями по идеологическим соображениям для марксистско-ленинского государства и его многочисленных единомышленников за рубежом был предпочтительнее, чем вынужденная договоренность с нацистским рейхом. По сути, этот союз вполне мог стать уже тогда, а не через два года зародышем полноценной антигитлеровской коалиции. Мог, но не стал. И тому были свои веские причины, которые российские авторы оригинально и окрестили «формулой провала».

Оставляя в стороне хорошо известные факты, свидетельствующие о несерьезности намерений правительства Н. Чемберлена и слепо и самоубийственно его поддерживавших французов (затягивание

переговоров, неторопливость с прибытием делегаций в Москву, низкий уровень представительства, отсутствие полномочий, уход от конкретных обязательств, нежелание оказать давление на Польшу и др.), обратим внимание лишь на закулисную сторону дела, о чем в Кремле были хорошо осведомлены из донесений своей политической и военной разведки.

Англичане параллельно с переговорами в СССР вели не показные, а реальные переговоры с эмиссарами А. Гитлера в расчете на достижение далеко идущих англо-германских договоренностей в геополитической и финансово-экономической областях, равнозначных, по существу, переделу Европы и мира и определению новых сфер интересов [Антигитлеровская коалиция — 1939, 2019: 224–229]. Это вызывало большую тревогу не только в Москве, но и в Вашингтоне, так как непосредственно затрагивало американские долговременные интересы. При этом английская делегация, следуя указаниям Лондона, всячески затягивала переговоры с советской стороной и в то же время противилась их срыву, чтобы не допустить возможного сближения Кремля с Берлином, что тогда уже не было большим секретом.

В этих хитросплетениях европейской политики, достигших своего апогея к лету 1939 г. и приближавшихся к закономерной развязке, особое место занимала Польша, обреченная на национальную катастрофу наследниками Ю. Пилсудского и их союзниками. Уготованная полякам А. Гитлером роль вассала, как, впрочем, и другим менее самонадеянным и более покладистым восточноевропейцам, не устраивала амбициозную Варшаву, которая стремилась на антисоветской основе «дружить на равных» и участвовать с рейхом в разделе добычи на востоке, в частности на Украине¹¹. Но эти планы уже на том этапе не устраивали Берлин. Подогреваемые обещаниями оказания военной и дипломатической помощи со стороны Лондона, поляки заняли непримиримую позицию в отношении требования А. Гитлера о передаче Германии Данцига (Гданьска) и были уверены, что в случае войны их гусары с саблями наголо пройдут победным маршем по Берлину (это в эпоху танковых прорывов!) [см. подробнее: Антигитлеровская коалиция — 1939, 2019: 43–52, 68–82].

Англичане после посещения Варшавы в июле начальником имперского штаба Великобритании генералом Э. Айронсайдом хорошо знали [Read, Fisher, 1988: 107, 216], что поляки не продержатся против вермахта и 10 дней, но продолжали разжигать их самоуверенность

¹¹ Розенберг А. Политический дневник 1934–1944. М.: Русская книга, Фонд «Историческая память», 2015. С. 164–196.

обещаниями поддержки. В Лондоне понимали, что после разгрома Польши возникнет прямое противостояние рейха с Советским Союзом и тем самым круг политики «умиротворения» замкнется. Как это было уже не раз в истории, «коварный Альбион» готовился отметить свою очередную, может быть, самую большую победу. Но его стратегические оппоненты оказались не столь наивны. Их интересы на какой-то момент сошлись.

А. Гитлер, следуя своей стратегии «бить противников поодиночке» (особенно в связи с предстоявшей первой настоящей пробой сил в Европе) и будучи уверенным, что ради Польши западные демократии «не полезут в драку», начиная с июля, сосредоточил все свои дипломатические усилия на нейтрализации СССР. Действительно, инициатива к сближению принадлежала Германии при достаточно настороженной в первое время ответной реакции Кремля. Но политика англичан и шедших у них на поводу французов при откровенно враждебном поведении Польши, наотрез отказавшейся пропустить Красную армию в случае военных действий («с немцами мы потеряем свободу, а с русскими — душу», — высокопарно изъяснялся маршал Э. Рыдз-Смиглы [Beevor, 2014: 21]), поставила Москву перед необходимостью сделать решительный выбор и ответить согласием на обхаживания немцев. Как говорил в таких случаях великий флорентиец Никколо Макиавелли, главный труд которого «Государь» был хорошо знаком И.В. Сталину, «нельзя быть праведником в мире грешников» [Stewart, 2013].

В Москве знали, что нападение А. Гитлера на Польшу было делом решенным, и это создавало для Советского Союза качественно новую реальность на его западной границе. Отказавшись от помощи СССР, Варшава во многом сама вынесла себе смертный приговор. Прав был Роман Дмовский, крупнейший польский мыслитель и вечный оппонент Ю. Пилсудского, не доживший лишь несколько месяцев до сентябрьской катастрофы 1939 г., когда говорил, что «у поляков ненависть к России была сильнее, чем любовь к Польше»¹². История потом еще не раз подтвердит его слова.

23 августа, после личного обращения А. Гитлера к И.В. Сталину, был подписан советско-германский Договор о ненападении с секретным приложением, разграничивший, по сути, сферы влияния между двумя странами в соответствии с «линией Керзона». Можно сказать, что в тот момент еще виртуальная линия определила границы терри-

¹² Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Изд-во Н.П. Карбасников, 1909. С. 137.

ториального размежевания между Третьим рейхом и СССР в Европе. Ни о каком военном альянсе или, тем более, совместных действиях против кого-либо речь в документе не шла. Опасная игра, затеянная «умиротворителями», была ими проиграна. Советско-германская война откладывалась на неопределенный срок.

Это резко повысило градус враждебности к СССР в западных столицах. В Лондоне, Париже и Вашингтоне крайне болезненно восприняли подписание советско-германского договора. Англичанам, французам и стоявшим за ними американцам было крайне обидно, что в той коварной игре, в которой они считали себя непревзойденными мастерами, И.В. Сталин их переиграл. Именно этим объясняются все последующие обвинения в адрес Москвы в «сговоре двух тоталитаризмов», «союзе диктаторов», «разделе Польши», «содействии началу мировой войны» и т.д.

Вопреки очевидной логике, проигравшие в дипломатическом противоборстве продолжали «плыть по течению» и верить, что А. Гитлер «повернет на восток». Эта иррациональная политика приобретала всё более провокационную и самоубийственную направленность. Идея перевода начавшейся мировой войны в антисоветское русло из закулисного дипломатического маневрирования переходила в откровенно агрессивную, военно-политическую стадию.

Показательно, что, объявив войну Германии 3 сентября, после ее вторжения в Польшу, Лондон и Париж воздержались от подобного шага в отношении СССР после вступления Красной армии 17 сентября на территории Западной Украины и Белоруссии, входившие в состав распавшегося польского государства. Логика была проста: не нужно мешать двум антагонистам столкнуться между собой. Всё изменилось после 30 ноября 1939 г. в связи с провалом попытки Москвы найти территориальный компромисс с Финляндией.

История о том, как СССР попробовал мирным, дипломатическим путем в интересах укрепления своей безопасности в связи с надвигавшейся угрозой войны уговорить финнов отодвинуть границу от Ленинграда, проходившую чуть ли не на расстоянии артиллерийского выстрела, предложив более чем щедрую территориальную компенсацию, хорошо известна. Причиной финской несговорчивости, если не сказать упрямства, было гипертрофированное самонимение элиты бывшей части царской империи, сумевшей, впрочем, как и Польша, воспользоваться революционной смутой в России и культивировавшей исторический антироссийский синдром. Самонимение, которое активно подогревалось, как и в Варшаве, западными державами в целях борьбы с СССР.

С началом советско-финской войны, вошедшей в историю как «зимняя война» 1939–1940 гг., вчерашние кандидаты в союзники Москвы добились исключения страны из Лиги Наций и всерьез строили планы нападения на нее на севере и на юге, надеясь переиграть стратегическую ситуацию и воссоздать единый антисоветский фронт. Как часто бывает в периоды кризисов, политика всё больше отдалялась от реальности, пока наконец не наступил драматический «момент истины». Москва после ряда неудач на фронте сумела, мобилизовав крупные силы, одержать военную победу и заключить с Финляндией 12 марта 1940 г. мирный договор. При этом пока англичане и французы готовились бросить свои экспедиционные войска на советско-финский фронт и начать на юге бомбардировки нефтепромыслов Баку, эпицентр мировых событий, повинуясь планам А. Гитлера, переместился на запад Европы.

Жертвой гитлеровской агрессии стала великая европейская держава — Франция, капитулировавшая меньше чем через 40 дней. Это был крупнейший водораздел в ходе начавшейся мировой войны, ошеломивший западные столицы и объединивший почти всю континентальную Европу под знаком свастики. В Кремле также не предвидели столь стремительного развития событий и испытали подлинный шок. Вместо ожидаемой затяжной европейской войны по типу позиционной Первой мировой, в которой, как считалось, должна была надолго увязнуть и истощить себя Германия, СССР оказывался один на один против всей покоренной нацистами Европы¹³. Роли сторон Договора о ненападении вмиг поменялись. Из зависимого от воли СССР участника А. Гитлер становился хозяином положения. Для Москвы начинался сложный и опасный период отчаянного дипломатического балансирования с целью «не спровоцировать» фюрера, что в Берлине рассматривали как проявление слабости со стороны русских.

Между прочим, в свете всех дальнейших событий далеко не очевидной выглядит широко распространенная в нашей литературе версия о якобы имевшейся у И.В. Сталина уверенности в неизбежности войны и необходимости ее лишь отсрочить. С этой точки зрения вполне объясним и его просчет с конкретным сроком нападения вермахта, которого, по его собственным словам, как вспоминал У. Черчилль, посетивший Москву в августе 1942 г., советский лидер ожидал на год позже¹⁴.

¹³ Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив СССР). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1223.

¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 1. Т. 2. М.: Воениздат, 1991. С. 522.

Случившееся воспринималось вождем не только как величайшая трагедия в жизни страны и народа, но и как колоссальный удар по его собственному престижу и самолюбию и как личное поражение в противостоянии с А. Гитлером после успешного дипломатического дебюта с подписанием пакта. И.В. Сталин переживал это особенно долго и болезненно, хотя и в тайне от глаз окружающих его «товарищей по партии».

Этим, кстати, скорее всего, объясняется его недолгое затворничество на «ближней» кунцевской даче, которое Н.С. Хрущев, А.И. Микоян и некоторые другие соратники в рамках кампании по «десталинизации» попытались раздуть чуть ли не до размеров душевной «прострации» вождя и потери им самообладания в самый критический момент [Медведев, 2002]. Проявлением психологического состояния И.В. Сталина после проигранной им политической дуэли с нацистским фюрером было его страстное желание, которого он не скрывал, взять реванш, «отыграться» и закончить войну победой чуть ли не в 1942 г., особенно после провала наступления вермахта под Москвой. Это желание, как гипноз, передавалось некоторым высокопоставленным военным, стремившимся угодить начальству, хотя это и стоило большой крови Красной армии (достаточно вспомнить роль С. Тимошенко и Н. Хрущева в Харьковской операции 1942 г.).

На самом деле, если не поддаваться магии «неоспоримых истин», то следовало бы исходить из того, что каждый здравомыслящий государственный руководитель стремится оградить свой народ от тягот и страданий кровопролитной войны. Большой прагматик и реалист в политике, И.В. Сталин, разумеется, не был исключением. Хотя публично, особенно в военной аудитории, он призывал «не расслабляться» и быть готовыми к войне. Как представляется, судя по предпринимаемым им лихорадочным дипломатическим маневрам в то критическое время, он надеялся, что войну удастся не только отдалить, но и избежать или, на худой конец, вступить в нее «под занавес», когда победу можно будет добыть меньшей ценой, — в принципе, осуществить то, что удалось сделать позднее Соединенным Штатам.

Темной стороной политики накануне трагедии 22 июня 1941 г. остается вопрос, как далеко Кремль был готов зайти в уступках гитлеровской Германии или в установлении новых «сфер влияния» с державами «оси» вслед за территориальным размежеванием с Третьим рейхом в Европе. Судя по итогам визита В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., провокационные усилия А. Гитлера и

И. Риббентропа подтолкнуть СССР в сторону имперских интересов Великобритании на юге не выходили за уже согласованные пределы. В этой связи более правильным представляется говорить о том, что И.В. Сталин в тот период стремился прежде всего сохранить свое выигрышное положение «над схваткой», хотя сделать это становилось всё труднее, так как выбор между войной и миром всё более сужался.

«Туманом войны» называл немецкий военный стратег Карл Клаузевиц¹⁵, труд которого «О войне» И.В. Сталин также хорошо знал, скрытые намерения противостоящих сторон. В Кремле до конца не смогли понять стратегические замыслы А. Гитлера после «выхода из игры» Франции и предполагали, что условием его дальнейших действий было непременно поражение Великобритании или заключение с ней унизительного мира. Тем более что планы А. Гитлера были окутаны густым покровом дезинформации, отличались большой оперативной подвижностью и ситуативностью, корректировались под влиянием военных действий и в итоге не раз приводили к переносу даты нападения на СССР.

Впервые тему возможной войны против Советского Союза А. Гитлер затронул в узком кругу в беседе с генералами В. Кейтелем и А. Йодлем в конце июня 1940 г., находясь в своей полевой штаб-квартире во Франции в деревеньке Брули де Пеш¹⁶, но это едва ли можно было считать окончательным политическим решением. Вполне вероятно, что фюрер, опьяненный победами в Европе, мог до определенного момента рассчитывать на превращение СССР, напуганного мощью вермахта, в зависимое вассальное государство по типу восточноевропейских стран, пока окончательно не убедился, что противоречия с ним были непримиримыми и ни о каком «новом издании» Брест-Литовского договора нечего было и думать.

Вместе с тем хорошо известно, что нарком В.М. Молотов по мере приближения «часа X» и обострения ситуации на западной границе СССР все чаще явно в примирительном тоне запрашивал германского посла в Москве В. фон Шуленбурга о причинах недовольства Берлина и конкретных претензиях с его стороны к Кремлю, надеясь тем самым втянуть немцев в переговоры. «С типичным для себя постоянством, — вспоминали работавшие тогда в Москве немецкие дипломаты, — советское руководство до последнего момента придерживалось своей политики умиротворения Германии» [Хильгер, Мейер, 2008: 405]. Делалось ли это, как принято считать, всего лишь

¹⁵ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо; Мидгард, 2007. С. 59.

¹⁶ Speer A. Inside the Third Reich. New York: Macmillan, 1970. P. 123.

в тактических целях или имелись в виду какие-то более серьезные предложения, чтобы оттянуть начало конфликта или даже вовсе его избежать?

После «молниеносной» победы вермахта над историческим врагом германцев — Францией оценка А. Гитлером своих военных талантов и возможностей выросла в разы. Советско-германский пакт всё больше тяготил Берлин и вызывал там лишь раздражение неуступчивостью Москвы. Нацисты явно предназначали теперь СССР подчиненную роль в Европе, особенно на Балканах — в зоне традиционных имперских интересов Германии. Их крайне беспокоили не согласованное в секретном протоколе советское продвижение в Северную Буковину, в сторону румынских нефтепромыслов в Плоешти — главного источника горючего для рейха в «войне моторов», а также рост влияния советского флота на Балтике после вступления трех прибалтийских республик в состав СССР осенью 1940 г. и поражения Финляндии в «зимней войне».

Остается загадкой, как в Кремле надеялись разрешить или хотя бы смягчить эти противоречия. И.В. Сталин явно переоценивал «здравый смысл» А. Гитлера, в частности не только его поглощенность Великобританией, но и зависимость Германии от советских поставок стратегического сырья в условиях организованной англичанами морской блокады. С точки зрения рациональной логики советского лидера, едва ли укладывались в голове и маниакальный авантюризм нацистского вождя, поставленные им цели европейского и мирового господства, достижение которых было невозможно без завоевания Советского Союза и его колоссальной ресурсной базы. Сами немецкие авторы и участники событий писали: «Однако это была бесполезная надежда, потому что Сталин переоценил как политический кругозор Гитлера, так и его чувство реализма» [Хильгер, Мейер, 2008: 398].

Кроме того, в Кремле и Наркомате обороны не могли не учитывать при ближайшем оперативном планировании и развитие военных действий в Европе, центр которых всё больше смещался на юг, в сторону Балкан, Югославии, Греции, Крита и даже Северной Африки, т.е. в стратегическом направлении, прямо противоположном западной границе СССР. Видимо, трудно было представить, что в считанные недели руководство вермахта сумеет осуществить столь стремительный стратегический разворот.

Вообще, продлись мирная передышка для СССР еще на один год — и события развивались бы по более благоприятному для нашей страны сценарию. Вопрос, на наш взгляд, заключался не столь

ко в подготовке и качестве советских вооруженных сил, которые уже тогда при адекватной политической устремленности Кремля представляли собой достаточно мощную силу, чтобы выдержать и отразить натиск вермахта, сколько в наличии политической воли у руководства страны, его готовности принять трудное решение и не потеряться в «тумане войны». В итоге политические преимущества, полученные в связи с подписанием Договора о ненападении, не были в ответственный момент подкреплены соответствующими военными решениями.

Если на западном направлении просчеты политического руководства обернулись тяжелыми последствиями для СССР, то на востоке советская дипломатия добилась внушительных успехов, которые помогли стране выстоять в первый, самый напряженный период Великой Отечественной войны и избежать в дальнейшем войны на два фронта. Заключенный с японцами 13 апреля 1941 г. Договор о нейтралитете, ставший в известном смысле дальневосточным аналогом пакта Молотова–Риббентропа с той лишь разницей, что японцы не решились его нарушить в течение всей войны, был огромным вкладом в победу над агрессором в Европе.

Английский историк Э. Бивор отмечал: «Советская победа на Халхин-Голе в августе 1939 г. не только способствовала японскому решению нанести удар в южном направлении и подтолкнула США к вступлению в войну, но также означала, что Сталин смог перебросить сибирские дивизии на запад, чтобы пресечь попытку Гитлера захватить Москву» [Beevor, 2014: 338].

Прозрение

Что касается англосаксов — будущих союзников СССР, то они испытывали большую тревогу, если не сказать панику, после капитуляции Франции и лихорадочной эвакуации английских войск «налегке» из Дюнкерка. Сменившие вчерашних «умиротворителей» новые государственные деятели, в частности пришедший на место Н. Чемберлена У. Черчилль, не питали иллюзий в отношении планов А. Гитлера и осознали, что произошло кардинальное изменение мирового баланса сил в пользу блока держав «оси», угрожавшее самому существованию западных демократий. Одно дело — малые государства Восточной Европы, сравнительно легко принявшие власть нового сюзерена, и другое — великие державы, которые всегда дорожили своим суверенитетом и готовы были постоять за него.

Советский полпред в Лондоне И.М. Майский в своей телеграмме в НКВД сообщал о беседе с премьер-министром У. Черчиллем, состо-

явшейся вскоре после разгрома Франции в мае 1940 г.: «...Черчилль ответил на мой вопрос о его генеральной стратегии очень кратко и красочно: “Моя генеральная стратегия, — сказал он, — состоит сейчас в том, чтобы выжить в течение ближайших трех месяцев”»¹⁷. Начиналась «Битва за Англию» — воздушная война, проигранная люфтваффе, которая отодвинула на неопределенный срок немецкое вторжение через Ла-Манш (план «Морской лев») и в то же время создавала ложное впечатление в Кремле, что силы вермахта еще долго будут скованы боевыми действиями на западе.

Вне мировой войны оставались лишь две великие державы — США и СССР. Между ними словно шло негласное дипломатическое соревнование в искусстве уклонения от участия в глобальном конфликте. Вполне вероятно, что судьба Советского Союза сложилась бы иначе, если бы первыми в войну вступили Соединенные Штаты. Отважился бы тогда А. Гитлер напасть на СССР, зная, что он столкнется с мощной коалицией? Его военная стратегия во многом строилась на американском изоляционизме. Однако объявленная Вашингтоном политика нейтралитета и невмешательства в мировой конфликт не означала, что США собирались отсидеться за океаном и не отдавали себе отчета в серьезности нависшей над ними угрозы.

В ноябре 1940 г., одержав вопреки американской политической традиции в третий раз подряд победу на выборах, президент Ф. Рузвельт принял в Белом доме своего посла при Сент-Джеймском дворе Дж. Кеннеди — крупного спонсора Демократической партии и отца будущего президента США. Посол, известный изоляционист, тайно симпатизировавший А. Гитлеру, убеждал Ф. Рузвельта продолжать политику «умиротворения» Германии. «Вы или войдете в историю как величайший президент, или останетесь в дураках», — на правах старого приятеля говорил он. Ф. Рузвельт, слушая, мрачно молчал. «Существует и третья возможность, — наконец ответил он. — Я могу к концу моего срока оказаться президентом незначительной страны» [Beschloss, 1980: 223].

Прошедший политическую школу в правительстве президента Вудро Вильсона во время Первой мировой войны и принадлежавший по своим взглядам к интернационалистской, космополитической элите Новой Англии на северо-востоке США, Ф. Рузвельт был природным геополитиком. Он хорошо понимал, что стране впервые в ее истории угрожали державы-агрессоры со стороны сразу «двух

¹⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: В 2 т. Т. 1. 1941–1943. М.: Политиздат, 1983. С. 107.

океанов». В век начавшихся трансконтинентальных перелетов географическая неуязвимость территории Соединенных Штатов уходила в прошлое. Все попытки американской дипломатии уладить противоречия с «ревизионистскими» государствами, как показало ее опасное заигрывание с Японией по образцу европейского «умиротворения», лишь разжигали аппетиты агрессоров. По большому счету, схватка между старыми и новыми претендентами на мировое господство была неизбежной.

Именно в критическом нарастании глобальных вызовов следует искать ответ на ключевой вопрос, как столь стремительно произошел позитивный поворот в отношениях между Советским Союзом и англосаксонскими державами — от довоенной враждебности к военному союзу после нападения А. Гитлера на СССР. Несомненно, в Вашингтоне и особенно в Лондоне этого нападения не только ждали — его всячески стремились приблизить, видя в нем единственный шанс отвести угрозу от себя и выиграть время для мобилизации сил. В Кремле также, тщательно скрывая это от немцев, держали в резерве вариант «Б», предполагавший сближение с главными противниками «гитлеризма» в случае советско-германской войны.

При этом важно отметить принципиальное обстоятельство: несмотря на всю враждебность, недоверие и подозрительность в отношениях между западными демократиями и СССР накануне Великой Отечественной войны, разногласия между ними не стали непримиримыми, мосты не были сожжены, наоборот, росло понимание неотвратимости объединения усилий в борьбе с агрессорами, угрожавшими их национальным интересам. Нужен был лишь мощный катаклизм, чтобы произошла трансформация картины глобальных противоречий и мировая война вступила в качественно новую фазу.

Инициативу к сближению в последние мирные для советского народа месяцы проявляли западные политики, особенно У. Черчилль, который спасение Великобритании видел во вступлении в войну скорее даже США, чем СССР. Однако Ф. Рузвельт лишь на словах сочувствовал оказавшимся в беде англичанам, а подозрительный (и не без оснований) И.В. Сталин проявлял понятную бдительность, считая, что за этим стоит, как и раньше, коварное стремление Лондона втянуть СССР в конфликт с Германией. Именно поэтому в Кремле в накаленной обстановке кануна войны столь настороженно восприняли «миссию Рудольфа Гесса» — сенсационный перелет заместителя А. Гитлера по партии в Великобританию в мае 1941 г. — и подозревали, что это новая попытка англо-германского сговора за спиной Советского Союза [см., например: Padfield, 1991].

Вокруг этой истории до сих пор идут споры между исследователями, лишенными доступа к английским архивам под официальным предлогом необходимости соблюдения «государственной тайны». Имеются лишь косвенные свидетельства, что «миссия Гесса» на фоне тайных англо-германских контактов, доставшихся правительству У. Черчилля в наследство от его предшественника, была последней попыткой нацистской верхушки перед началом войны на востоке обезопасить свой западный фланг. Всё остальное, включая стремление Берлина представить действия Р. Гесса как самодеятельность психически неуравновешенного человека, когда миссия провалилась из-за непримиримости англо-германских противоречий, — лишь неуклюжая операция дипломатического прикрытия.

Один из самых близких к А. Гитлеру людей, пользовавшийся его неограниченным доверием, министр вооружений А. Шпеер, уже после войны, дожидаясь вместе с другими нацистскими главарями приговора международного трибунала в Нюрнберге, поведал об откровениях Р. Гесса, сменившего комфортабельное заточение в Великобритании на одиночную камеру тюрьмы Дворца правосудия. Р. Гесс «с лукавым видом рассказывал мне, — вспоминал А. Шпеер, — о своем полете в Англию. “Я еще не говорил Вам, что сказал мне Гитлер на прощание за два дня до отлета? Летите осторожно, Гесс!” Потом Гесс стал хвастливо рассказывать, как к нему относились в Англии, — продолжал А. Шпеер. — По его словам, у него были две комнаты с ванной и собственный сад. Каждый день за ним приезжали на машине, чтобы вывезти на прогулку. Комендант играл ему Моцарта и Генделя. Кормили хорошо. Было много баранины и пудингов, а на рождество подавали жареного гуся. В его распоряжении был специальный винный погреб»¹⁸. Правда, этим гостеприимством на фоне скудной военной диеты англичан всё и ограничилось. Пощекотать нервы И.В. Сталину удалось, но после краха Франции и устрашающих бомбардировок английских городов какое-либо примирение Лондона с нацизмом было невозможно. Не понимали этого только нацистские бонзы.

Всё круто изменилось в ночь на воскресенье 22 июня 1941 г. Вероломно нарушив советско-германский договор, А. Гитлер напал на СССР. Сложившиеся объективные условия для формирования коалиции, чтобы разрушить гитлеровские планы покорения всей Европы и предотвратить мировое нацистское господство. Вражда

¹⁸ Шпеер А. Шпандау: тайный дневник. М.: Захаров, 2010. С. 73–74; см. также: Розенберг А. Указ. соч.

с обеих сторон отступила перед политической целесообразностью. Естественными союзниками СССР были Великобритания и США, хотя последние оставались невоюющей стороной вплоть до декабря 1941 г. (японского нападения на Перл-Харбор) и старались вести себя крайне осторожно, выступая, как говорил президент Ф. Рузвельт, в роли «запасного игрока» и «великого арсенала демократии». Более прямолинейные политики, такие как сенатор от штата Миссури Г. Трумэн, выражая затаенные мысли влиятельной части американской элиты, вообще были не против взаимного истощения «двух тоталитарных режимов» и предлагали Вашингтону оставаться в стороне от советско-германской войны и вести себя по принципу «третьего радующегося».

Однако ставки были слишком высоки, а угрозы существованию западных демократий, исходившие от нацизма, — более чем реальны, чтобы вести себя столь цинично и близоруко. Война становилась с обеих сторон коалиционной — это хорошо понимали в Кремле. В беседе с новым английским послом в Москве С. Криппсом 8 июля 1941 г. И.В. Сталин прямо заявил: «Коалиции надо противопоставить коалицию, а не изоляцию»¹⁹. Конечно, решающее слово было за сражавшимися армиями и борьбой на фронте, но очень многое зависело и от дипломатического взаимодействия союзников по складывавшейся «великой коалиции», как ей суждено было войти в историю.

Отношения между ними охватывали три основные группы вопросов. Во-первых, речь шла об оказании военной помощи СССР по ленд-лизу (займу — аренде), закон о котором был принят в Вашингтоне еще 11 марта 1941 г. (поставки в основном шли из США и в меньшей степени — из Великобритании). Во-вторых, это был вопрос об открытии второго фронта, как для краткости называли высадку англо-американских войск в Северной Франции, на чем энергично настаивала советская сторона. И в-третьих, по мере приближения победы на первый план выходило решение проблем послевоенного мироустройства. Но до этого советским солдатам еще надо было пройти много верст огненными дорогами войны.

Между тем главное, что определяло отношения между вновь явленными союзниками в начальный период конфликта, — это отступление Красной армии по всему фронту и страх в Лондоне и Вашингтоне, что СССР не устоит перед натиском вермахта, а начавшаяся война на востоке — всего лишь краткая передышка, которой надо воспользоваться для укрепления собственной обороноспособ-

¹⁹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 70.

ности. Пессимистов в тот период было куда больше, чем оптимистов, которые верили гитлеровской пропаганде, что СССР — «колосс на глиняных ногах» и борьба с ним займет от трех до четырех недель. Был ли смысл оказывать ему серьезную помощь, особенно материальную, военную, чтобы она потом попала в руки гитлеровцев?

В этой связи крайне негативную роль играли американское посольство в Москве и лично посол Лоуренс Штейнгардт, один из тех недалеких чиновников Госдепартамента, которым Ф. Рузвельт знал цену и насмешливо за глаза называл «ребятами в полосатых штанах». В своем донесении в Вашингтон 26 июня посол панически сообщал: «Я предвижу, что советское правительство вскоре бросит Москву», а спустя несколько дней мрачно предрекал, что вермахт захватит советскую столицу «через пару месяцев, а может, немного раньше»²⁰.

В свете оглушительных побед нацистов в Европе пропаганда Й. Геббельса действовала как гипноз и на американских военных, которые советовали Белому дому «не спешить» с оказанием конкретной помощи Советскому Союзу, тем более за счет потребностей американской армии или сокращения заказов Великобритании, и дожидаться «прояснения ситуации». Президент оказался в непростом положении и вынужден был полагаться на свою политическую интуицию и мнения близких советников. Принципиально вопрос о поддержке СССР был согласован между ним и У. Черчиллем еще до начала гитлеровской агрессии. 15 июня Ф. Рузвельт сообщал в Лондон, что будет готов вместе с премьер-министром приветствовать «Россию в качестве союзника»²¹. Но когда ожидаемое наконец случилось, он, тем не менее, некоторое время колебался.

В этой связи большое значение имела поездка в Москву в июле 1941 г. Гарри Гопкинса — ближайшего друга и помощника Ф. Рузвельта. Он вынес убеждение из бесед с советским вождем, что русские выстоят и им следует оказать всемерную военную помощь. Немцы уже поняли, говорил ему И.В. Сталин, что «продвижение механизированных войск по России весьма отличается от продвижения их по бульварам Бельгии и Франции»²². Конкретно о военной помощи СССР шла речь и во время визита в Вашингтон начальника

²⁰ Memorandum of Conversation, by the Under Secretary of State (Welles). June 15, 1941 // FRUS. 1941. General. The Soviet Union. Vol. 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1959. P. 886.

²¹ Churchill W. The Second World War: In 6 vols. Vol. 3. The Grand Alliance. New York: Bantam Books, 1962. P. 312–313.

²² Memorandum by Mr. Harry L. Hopkins, Personal Representative of President Roosevelt. Moscow, July 31, 1941, 6:30 p.m. to 9:30 p.m. // FRUS. 1941. General. The

Разведуправления Генштаба Красной армии генерала Ф.И. Голикова. Проблему поставок в долгосрочной перспективе советское руководство обсуждало на конференции в Москве с американцами и англичанами в конце сентября — начале октября 1941 г., в результате чего был подписан первый соответствующий протокол.

Со стороны западных союзников ведущую роль на конференции играл сын крупного железнодорожного магната, сам — известный финансист и владелец значительных горнорудных активов в Польше, а вскоре и будущий посол США в Москве А. Гарриман, которого И.В. Сталин по-дружески называл «наш человек из Чиатура» в память о марганцевой концессии компании Гарримана в Грузии после революции. Сначала СССР расплачивался за военные материалы золотом, которое на сумму 10 млн долл. и весом 903 тыс. тройских унций 16 октября и 5 ноября было доставлено в США на советских судах «Днепрострой» и «Азербайджан» [Борисов, 1983: 59], но уже в начале ноября на Советский Союз был распространен ленд-лиз — закон об аренде, откладывавший расчеты за поставки на послевоенный период.

В Белом доме стало принято говорить, что, «помогая Советскому Союзу, Америка помогает самой себе». Это считалось, по словам А. Гарримана, проявлением «просвещенного эгоизма»²³. Хотя в масштабе общих военных усилий СССР ленд-лиз занимал сравнительно скромное место и в силу объективных организационных трудностей, можно сказать, отсутствовал в самый напряженный начальный период войны, он, тем не менее, позволил восполнить существенные пробелы в снабжении Красной армии и в целом сыграл значительную роль в приближении победы над врагом.

Интересно в этой связи свидетельство одного из ведущих американских исследователей этой темы Л. Мартеля: «Подписание первого протокола в Москве в октябре 1941 г. и заявление о распространении ленд-лиза на Россию не открыли шлюзы для широкого потока военных материалов сражавшейся Красной армии, — отмечал он. — Помощь России в конце концов действительно увеличилась с тоненького ручейка до существенного потока грузов, но в первые критические месяцы войны на ее пути постоянно возникали препятствия» [Martel, 1979: 36].

Soviet Union. Vol. 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1959. P. 814.

²³Harriman A., Abei E. Special envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. New York: Random House, 1975. P. 83.

В то смертельно опасное для нашей страны время многие в СССР усматривали чуть ли не «козни» и «злой умысел» в невыполнении союзниками в полном объеме взятых обязательств, тем более что в возбужденной атмосфере поиска виновных в военных неудачах в начале войны подобные аргументы котировались в Кремле довольно высоко. Однако в действительности основная причина задержек была не в нежелании Лондона и Вашингтона сотрудничать с новым союзником (хотя задача его удержания в войне не ставилась под сомнение), а в тех невероятных трудностях перевода на военные рельсы и мобилизации капиталистической (не плановой) экономики, которые приходилось преодолевать в США, не говоря уже об организации невиданной в истории логистической операции по доставке колоссальных объемов военных грузов в СССР в условиях боевых действий и опаснейших маршрутов.

В Вашингтоне вопросы удавалось решать чаще всего после личного вмешательства президента, что стало еще одним примером государственного регулирования капиталистической экономики в экстремальных условиях, как и кейнсианский «новый курс» Ф. Рузвельта во внутренней политике во время Великой депрессии.

Эффект коалиции

И все-таки в Кремле главной задачей на дипломатическом фронте считали организацию высадки войск союзников на Европейском континенте в Северной Франции, чтобы, по примеру Первой мировой войны, зажать Германию в тиски двух фронтов и тем самым облегчить положение Красной армии. Как известно, впервые этот вопрос И.В. Сталин поднял в своем послании У. Черчиллю 18 июля 1941 г. — в разгар немецкого «блицкрига», предложив создать второй фронт «на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)»²⁴.

Однако У. Черчилль, поддержанный британским Комитетом начальников штабов, был глух к предложению из Москвы, хотя положение на Восточном фронте становилось день ото дня всё более отчаянным и объективно угрожало и британским интересам. Сталинская дипломатическая переписка отразила возбужденное состояние умов в Кремле, еще до конца не оправившихся от шока вероломного нападения и лихорадочно искавших варианты спасения страны. Никогда ранее не вступавший в прямую переписку с послами, И.В. Сталин на этот раз решил доверить послу в Лондоне И.М. Майскому свои мысли.

²⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 85.

В своей телеграмме от 30 июля глава советского правительства, пренебрегая обычной субординацией, явно в раздраженном тоне откровенно писал, что Великобритания, по сути, «своей пассивной выжидательной политикой помогает гитлеровцам <...>. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же они хотят? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан». Столь резкая оценка политики правительства У. Черчилля, близкая к обвинению его чуть ли не в сговоре с нацистами за счет интересов СССР, была, разумеется, данью переживаемому острому моменту и желанием чисто в сталинском стиле объяснить военные неудачи чужими интригами или недоброжелательством. Это достаточно ясно следовало из ранее не публиковавшейся части цитируемой телеграммы. «Если так будет продолжаться и англичане не расшевелются, — говорилось в ней, — наше положение станет угрожающим. Выиграют ли от этого англичане? Я думаю, что проиграют. Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три–четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом»²⁵. Второй фронт в Европе не был создан ни «в ближайшие три–четыре недели», ни даже в ближайшие два года, и тем не менее Советский Союз не только выстоял, но и повернул вспять шквал нацистской агрессии, что ясно говорило о потенциальной мощи СССР, недооцененной даже его руководителями.

Действительно ли у потрясенного неудачами на фронте кремлевского вождя были такие мысли, о которых сегодня нам, наследникам государства-победителя, не в радость вспоминать, или он сознательно сгущал краски, чтобы настроить своего посла на решительное объяснение с коварными союзниками, — об этом мы уже никогда не узнаем. У англичан, расплачивавшихся за политику «умиротворения» и сражавшихся в одиночестве больше года, пока СССР оставался вне войны и чувствовал себя, как завистливо считали в Лондоне, вполне комфортно, была своя мстительная логика.

В ней переплетались как традиционные мотивы вековой игры Туманного Альбиона на балансе сил в европейской политике, так и недавно возникшие пораженческие комплексы в результате панического бегства экспедиционных сил с континента с потерей

²⁵ Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников: Документы и материалы / Под ред. акад. А.В. Торкунова; авт.-сост.: В.О. Печатнов, М.М. Наринский, И.Э. Магадеев. М., 2015. С. 56–57.

всего тяжелого вооружения и последующего яростного немецкого воздушного «блица». Пресловутая дальновидность У. Черчилля, которой восхищаются некоторые западные историки, включая его биографа-любителя и подражателя премьер-министра Бориса Джонсона [Johnson, 2014], останавливалась ровно там, где верх брали британские имперские интересы, естественно, в том виде, как он их понимал.

Нельзя сказать, что так думали все в окружении У. Черчилля. С ним спорила даже его собственная любимая супруга Клементина, к мнению которой он обычно прислушивался, но однажды, когда она в очередной раз завела разговор на тему «помощи русским», он резко ее оборвал, дав понять, что государственные дела — не женское дело. Как сообщал в Москву вхожий в высшие английские кабинеты посол И.В. Майский, на одном из приемов г-жа Черчилль во всеуслышание заявила: «Если бы Россия потерпела поражение, что случилось бы с нами?» Правда, подобные опасения никак не мешали британскому правительству отклонять идею второго фронта, в чем, как считал посол, находили отражение «вековая традиция вести войну чужими руками», а также глубоко укоренившийся страх английских генералов перед германской военной машиной. Посол, будущий академик, привел даже презрительную характеристику английской армии как «стада львов, предводимых ослами», данную когда-то ей Наполеоном²⁶.

Надо сказать, что интуиция не подвела И.В. Сталина в отношении поведения англичан, явно сводивших счеты с Москвой за ее довоенную политику. В своей телеграмме от 28 октября 1941 г. С. Криппсу, который раздражал британского премьера своими призывами к скорейшему открытию фронта на западе, У. Черчилль не без ехидства выражал сочувствие «России в ее агонии». «Несомненно, они не вправе упрекать нас, — продолжал он. — Они сами решили свою судьбу, когда пактом с Риббентропом позволили Гитлеру напасть на Польшу и тем самым развязать войну. Они отрезали себя от эффективного второго фронта, когда позволили уничтожить французскую армию <...>. Однако до тех пор, пока Гитлер на них не напал, мы не знали, будут ли они воевать и на чьей стороне»²⁷.

Время было явно неподходящим, чтобы руководствоваться подобными соображениями, но У. Черчилль не был бы собой, если бы рассуждал иначе, хотя весь ход его мыслей выдавал в нем скорее

²⁶ Там же. С. 108–112.

²⁷ Там же. С. 101.

парламентского политика эпохи заката Британской империи, нежели дальновидного государственного деятеля, ведь А. Гитлер, разъяренный несговорчивостью англичан, говорил в кругу приближенных: первое, что он сделает после победы на востоке, — «разделается» с Великобританией [Beevor, 2014: 177]. Среди сражений Второй мировой войны было немало таких, которые многим историкам казались безальтернативными, в то время как на самом деле их судьба висела на волоске. К их числу, бесспорно, относилась героическая победа советского оружия в битве под Москвой, сорвавшая немецкие планы «молниеносной войны» и ставшая началом пути «тысячелетнего рейха» к своей гибели.

После разгрома немцев под Москвой зимой 1941–1942 гг., получив лишь моральную поддержку союзников, в Кремле всерьез взялись за решение задачи открытия второго фронта. На это были брошены все лучшие силы советской дипломатии. Речь шла о сокращении сроков войны и тем самым — о спасении миллионов человеческих жизней. В мае–июне 1942 г. в поездку по западным столицам инкогнито под псевдонимом «г-н Браун» отправился сам нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов с целью добиться от союзников — президента Ф. Рузвельта и премьера У. Черчилля — ясных обязательств о высадке союзных войск на побережье Франции в том же году.

После сильного дипломатического нажима с советской стороны такие обязательства были даны в подписанных в Лондоне и Париже совместных коммюнике. Как оказалось, только для того, чтобы спустя считанные дни быть цинично нарушенными союзниками под предлогом якобы практической невозможности их выполнения²⁸. Негодованию Москвы не было предела, и прибывшему для объяснений на встречу с И.В. Сталиным в августе 1942 г. У. Черчиллю в сопровождении А. Гарримана в качестве личного представителя Ф. Рузвельта пришлось выслушать немало резких, но справедливых слов. На следующий год история вновь повторилась. Взятые западными союзниками новые обязательства открыть второй фронт в 1943 г. в очередной раз не были выполнены.

Как вполне обоснованно считали в Кремле, тактика Лондона и Вашингтона заключалась в ведении «легкой войны» с вступлением в нее «в нужный момент», чтобы не опоздать к разделу плодов победы. Такой момент наступил благодаря героическим усилиям Красной армии, которая осуществила коренной перелом в войне в сражениях

²⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 276–277.

под Сталинградом и на Курской дуге. Несмотря на сопротивление упрямого У. Черчилля, который настаивал на открытии второго фронта на Балканах, И.В. Сталину и Ф. Рузвельту на конференции в Тегеране поздней осенью 1943 г. удалось согласовать вопрос о высадке союзных войск во Франции в мае 1944 г. У. Черчиллю, который вопреки логике войны слепо верил в военный переворот в Германии и капитуляцию немцев, пришлось уступить. Вопрос о втором фронте был наконец решен. Все тогда отлично понимали его второстепенное, подчиненное значение: три четверти войск вермахта нашли свой бесславный конец на советско-германском фронте.

* * *

Военный союз трех держав, несмотря на постоянно возникавшие между ними острые разногласия, выдержал и еще более трудные испытания, связанные с послевоенным мирным урегулированием. Как известно, испокон веков войны на земле велись не ради славы, а ради конкретных результатов, передела мира в интересах победителей и за счет побежденных. От предыдущих конфликтов, больших и малых, Вторая мировая война отличалась не только своими глобальными масштабами и качественно новым военно-техническим уровнем, но и обилием демократической риторики, тон которой задавал президент США Ф. Рузвельт, хорошо усвоивший мессианские уроки своего предшественника и учителя В. Вильсона.

Премьер-министра У. Черчилля, прагматика и имперского политика до мозга костей, эта риторика временами корбила, особенно тогда, когда американский президент касался любимой темы — освобождения народов колоний вслед за избавлением мира от угрозы нацизма, но в целом ему приходилось мириться с этим как с неизбежной данью новому времени. Стоит заметить, что как лидер союзного государства, уступавшего по своему весу и влиянию в коалиции двум другим ее членам, У. Черчилль не отличался масштабностью мысли и был консерватором в полном смысле этого слова. Все его помыслы были заняты тем, как сохранить британскую колониальную империю и восстановить в Европе довоенный статус-кво в духе нового «санитарного кордона», который был совершенно неприемлем для СССР, внесшего решающий вклад в разгром нацизма. При этом У. Черчилль хорошо понимал, что союзу военных лет не было альтернативы. Однажды, разочарованный переговорами с партнерами по «большой тройке», он иронично заметил: «Что может быть хуже ведения войны вместе с союзниками?» И сам же ответил: «Это война без союзников» [Johnson, 2014: 382].

В свете последовавших событий эпохи «холодной войны» и сменившего ее после распада СССР периода однополярного мира на Западе редко находили добрые слова в адрес антигитлеровской коалиции трех держав. Как только ее ни называли: и «неестественной», и «странной», и «случайной» и обреченной на неизбежный распад и возвращение ее участников к былой вражде [см. подробнее: Gaddis, 1997: 1–25]. Правда, сами участники, во всяком случае, пока был жив президент Ф. Рузвельт, так не считали и надеялись на сохранение сотрудничества и после войны. Эти цели закреплены в созданной союзниками Ялтинско-Потсдамской системе и ее главном детище и опоре — Организации Объединенных Наций, которая остается до сих пор важнейшим фактором стабильности международных отношений.

В Москве, во всяком случае, вплоть до Потсдамской конференции (июль–август 1945 г.) и появления у американцев монополии на ядерное оружие верили, что военный союз держав-победителей удастся преобразовать в послевоенное сотрудничество. Все попытки западных авторов представить СССР зачинщиком «холодной войны» лишены сколько-нибудь серьезных оснований. Страна, понесшая колоссальный ущерб в результате войны и заплатившая за победу миллионами человеческих жизней, нуждалась в послевоенных мирных условиях для своего восстановления. Как хорошо видно из переговоров с союзниками на высшем уровне, И.В. Сталин делал всё возможное, чтобы не обострять отношения с ними, и был готов идти на значительные уступки во многих вопросах, если они не затрагивали коренные интересы безопасности СССР, прежде всего в Восточной Европе, даже с таким трудным партнером, каким оказался президент Г. Трумэн.

Историки продолжают волновать вопрос, были ли распад «великой коалиции» и наступление «холодной войны» с вернувшимися враждой и недоверием великих держав закономерными и неизбежными? Военный стратег древнего Китая Сунь-Цзы еще два с половиной тысячелетия назад сделал обескураживающий вывод: «Союзники — это враги, у которых есть общий враг». Победа держав антигитлеровской коалиции над общим врагом — странами «оси» создала качественно новую геополитическую реальность. На поверхность вышли до поры отложенные антагонизмы, идеологические и геополитические противоречия, свойственные победителям амбиции в связи с переделом мира. А главное — было утеряно видение общей цели, что неизбежно привело к расколу лагеря победителей. Всё это сегодня служит уроком современным политикам, которым

приходится выбирать между опасной разобщенностью, конфронтацией, национальным эгоизмом и обретением нового видения единства цели.

В истории Второй мировой войны символом боевого союза держав-победителей стала историческая встреча советских и американских солдат на Эльбе в центре Германии 25 апреля 1945 г. Обнадёживает, что это памятное событие в связи с 75-летием Победы в войне было отмечено Москвой и Вашингтоном в совместном заявлении. «Дух Эльбы, — говорилось в нем, — является примером того, как наши страны могут, несмотря на различия, выстроить доверительные отношения и сотрудничать в общих целях. Действуя сегодня, чтобы противостоять самым критическим вызовам XXI в., мы отдаем должное мужеству и отваге всех тех, кто совместно сражался и сокрушил фашизм. Их героический подвиг никогда не будет забыт»²⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антигитлеровская коалиция — 1939. Формула провала. М.: Кучково поле, 2019.
2. Борисов А.Ю. СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М.: Международные отношения, 1983.
3. Медведев Р.А. И.В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 118–136.
4. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М.: Терра, 2006.
5. Рис Л. Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М.: Астрель, 2012.
6. Хейстингс М. Вторая мировая война. Ад на земле. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
7. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? М.: Центрполиграф, 2008.
8. Allison G. The new spheres of interest. Sharing the globe with other great powers // Foreign Affairs. 2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-02-10/new-spheres-influence> (accessed: 20.06.2020).
9. Applebaum A. Iron curtain. The crushing of Eastern Europe, 1944–1956. New York: Doubleday, 2012.
10. Beevor A. The Second World War. London: Weidenfeld & Nicolson, 2014.

²⁹ Joint Statement by President Donald J. Trump and President Vladimir Putin of Russia Commemorating the 75th Anniversary of the Meeting on the Elbe // The White House. 25.04.2020. Available at: <https://translations.state.gov/2020/04/25/joint-statement-by-president-donald-j-trump-and-president-vladimir-putin-of-russia-commemorating-the-75th-anniversary-of-the-meeting-on-the-elbe/> (accessed: 20.06.2020).

11. Beschloss M. Kennedy and Roosevelt. The uneasy alliance. New York: Norton, 1980.
12. Gaddis J.L. We now know. Rethinking Cold War history. New York: Oxford University Press, 1997.
13. Johnson B. The Churchill factor. How one man made history. London: Hodder & Stoughton, 2014.
14. Martel L. Lend-lease. Loans and the coming of the Cold War: A study of the implementation of the foreign policy. London, New York: Boulder, 1979.
15. Moorhouse R. First to fight. The Polish war. 1939. London: Random House, 2019.
16. Padfield P. Hess. The Fuhrer disciple. London: McClelland&Stewart, 1991.
17. Read A., Fisher D. The deadly embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet pact. 1939–1941. London: M. Joseph, 1988.
18. Rees L. The dark charisma of Adolf Hitler. Leading millions into the abyss. London: BBC, 2013.
19. Smith T., Hessen R. Berlin alert: The memoirs and reports of Truman Smith. Stanford: Hoover Institution Press, 1985.
20. Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2012.
21. Stewart P. Machiavelli: Still shocking after five centuries // The National Interest. 25.09.2013. Available at: <https://nationalinterest.org/commentary/machiavelli-still-shocking-after-five-centuries-9126> (accessed: 20.06.2020).
22. Taylor A.J.P. The origins of the Second World War. New York: Simon & Schuster, 1983.

A.Yu. Borisov

**THE ANTI-HITLER COALITION:
FROM ENMITY TO MILITARY ALLIANCE —
A FORMULA FOR SUCCESS**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

It is unfortunate to note again today that World War II did not end, it continues in the form of the war of memory. Politicians and scholars who stand as ideological successors of collaborators are trying to rewrite the history of those tragic days, to downplay the role of the Soviet Union in the victory over fascism. They try to revive certain political myths, which have been debunked long ago, that the Soviet Union and the Nazi Germany bear equal responsibility for the outbreak of World War II, that the Red Army did not liberate Eastern Europe but ‘occupied’ it. In order to combat these attempts it is necessary to examine once again a turbulent history of the inter-war period and, particularly, the reasons why all attempts to form a united anti-

fascist front had failed in the 1930s, but eventually led to the formation of the anti-Hitler coalition.

The paper focuses on a complex set of political considerations, including cooperation and confrontation, mutual suspicions and a fervent desire to find an ally in the face of growing international tensions, which all together determined the dynamics of relations within a strategic triangle of the Soviet Union — the United States — Great Britain in the late 1930s and early 1940s. The paper shows how all attempts to establish a collective security system during the prewar period had shattered faced with the policy of appeasement, which allowed the Nazi Germany to occupy much of Europe. Only the Soviet Union's entry into the war changed the course of the conflict and made a decisive contribution to the victory over fascist aggressors. The author emphasizes that at such crucial moment of history I.V. Stalin, F.D. Roosevelt and W. Churchill raised to that challenge, demonstrating realism, common sense and willingness to cooperate. Although within the anti-Hitler coalition there was a number of pending issues, which triggered tensions between the Allies, their leaders managed to move beyond old grievances, ideological differences and short-term political interests, to realize that they have a common strategic goal in the struggle against Nazism. According to the author, this is the foundation for success of the anti-Hitler coalition and, at the same time, the key lesson for contemporary politicians. The very emergence of the anti-Hitler coalition represented a watershed in the history of the 20th century, which has determined a way forward for the whole humanity and laid the foundations for the world order for the next fifty years.

Keywords: anti-Hitler coalition, collective security, the second front, Lend-Lease, World War II, appeasement, post-war world order.

About the author: *Aleksandr Yu. Borisov* — Doctor of Sciences (History), Professor at MGIMO University, Minister Extraordinary and Plenipotentiary (e-mail: albor@rambler.ru).

REFERENCES

1. *Antigitlerovskaya koalitsiya — 1939. Formula provala* [Anti-Hitler coalition — 1939. Formula for failure]. 2019. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
2. Borisov A.Yu. 1983. *SSSR i SShA. Soyuzniki v gody voyny. 1941–1945* [The Soviet Union and the United States. Allies during the war. 1941–1945]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
3. Medvedev R.A. 2002. *I.V. Stalin v pervye dni Velikoi Otechestvennoi voiny* [Joseph Stalin in the early days of the Great Patriotic War]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 2, pp. 118–136. (In Russ.)
4. Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: The Soviet Union and the United States in 1940s]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)

5. Rees L. 2010. *World War II behind closed doors: Stalin, the Nazis and the West*. New York, Vintage Books [Russ. ed.: Ris L. 2012. *Stalin, Gitler i Zapad. Tainaya diplomatiya velikikh derzhav*. Moscow, Astrel' Publ.].
6. Hastings M. 2005. *Armageddon: The battle for Germany 1944–1945*. New York, Vintage Books [Russ. ed.: Kheistings M. 2015. *Vtoraya mirovaya voina. Ad na zemle*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ.].
7. Hilger G., Meyer A.G. 1953. *The incompatible allies*. New York, Macmillan [Russ. ed.: Khil'ger G., Meier A. 2008. *Rossiya i Germaniya. Soyuzniki ili vragi?* Moscow, Tsentrpoligraf Publ.].
8. Allison G. 2020. The new spheres of interest. Sharing the globe with other great powers. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-02-10/new-spheres-influence> (accessed: 20.06.2020).
9. Applebaum A. 2012. *Iron curtain. The crushing of Eastern Europe, 1944–1956*. New York, Doubleday.
10. Beevor A. 2014. *The Second World War*. London, Weidenfeld & Nicolson.
11. Beschloss M. 1980. *Kennedy and Roosevelt. The uneasy alliance*. New York, Norton.
12. Gaddis J.L. 1997. *We now know. Rethinking Cold War history*. New York, Oxford University Press.
13. Johnson B. 2014. *The Churchill factor. How one man made history*. London, Hodder & Stoughton.
14. Martel L. 1979. *Lend-lease. Loans and the coming of the Cold War: A study of the implementation of the foreign policy*. London, New York, Boulder.
15. Moorhouse R. 2019. *First to fight. The Polish war. 1939*. London, Random House.
16. Padfield P. 1991. *Hess. The Fuhrer disciple*. London, McClelland&Stewart.
17. Read A., Fisher D. 1988. *The deadly embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet pact. 1939–1941*. London, M. Joseph.
18. Rees L. 2013. *The dark charisma of Adolf Hitler. Leading millions into the abyss*. London, BBC.
19. Smith T., Hessen R. 1985. *Berlin alert: The memoirs and reports of Truman Smith*. Stanford, Hoover Institution Press.
20. Snyder T. 2012. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. New York, Basic Books.
21. Stewart P. 2013. Machiavelli: Still shocking after five centuries. *The National Interest*. Available at: <https://nationalinterest.org/commentary/machiavelli-still-shocking-after-five-centuries-9126> (accessed: 20.06.2020).
22. Taylor A.J.P. 1983. *The origins of the Second World War*. New York, Simon & Schuster.